

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии.
2012. – Т. 21, № 1. – С. 176-183.

**СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ М. БУКЧИНА – ЭЛЕМЕНТ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ?
BOOKCHIN M. SOCIAL ECOLOGY AND COMMUNALISM.
Ed. by E. Eiglاد. – Edinburgh et al.: AK Press, 2007. – 136 p.**

© 2012 Г.С. Розенберг, А.Г. Розенберг, М.Н. Иванов

Институт экологии Волжского бассейна РАН, г. Тольятти (Россия)

Поступила 18 октября 2011 г.

Главный редактор журнала "Communalism (A Social Ecology Journal)" Э. Эйглад [Eirik Eiglاد] собрал «под одной обложкой» четыре эссе М. Букчина [Murray Bookchin, 1921-2006] – крупного мыслителя и писателя XX в., известного американского либертарного социалиста, экоанархиста, социального философа, одного из пионеров «зеленого движения», защитника окружающей среды¹. К числу его явных заслуг следует отнести развитие идей *социальной экологии* (он признан как основатель этого научного направления – публикации с 1958 г.), либертарного муниципализма (прямая демократия, децентрализация и деурбанизация общества) и диалектического натурализма. Он был критиком как биоцентрических теорий (например, таких как *глубинная экология* [Deer Ecology] норвежца А. Нэсса [Arne Dekke Eide Næss]), так и «зеленых сторонников» идей New Age [совокупности различных мистических течений и направлений в радикальном экологическом движении, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера; в частности, Ч. Спретнэк [Charlene Spretnak], которая была соучредителем партии "Зеленых" в США и сейчас является профессором философии и религии в Калифорнийском институте интегральных знаний). Обсуждение этих эссе (с основным упором

Розенберг Геннадий Самуилович, чл.-корр. РАН, директор, *Розенберг Анастасия Геннадьевна*, младший научный сотрудник; *Иванов Михаил Николаевич*, младший научный сотрудник

¹ По свидетельству самого Букчина, «я был в первых рядах борьбы за охрану природы ещё в далёком 1952 году. В то время я боролся против применения пестицидов и пищевых добавок» [Defending The Earth., 1991]. Кроме того, он под псевдонимом Левис Гербер [Lewis Herber] опубликовал книгу "Наша синтетическая окружающая среда" [Bookchin, 1962], которая вышла на полгода раньше, ставшей «точкой отсчета» экологического движения, знаменитой книги Рэйчел Кэрсон [Carson, 1962]. Это подтверждает мысль о том, что экоанархизм – не какая-нибудь современная экзотика, а вполне серьезное направление, которое, как минимум, не уступает в возрасте собственно экологическому движению «основного течения» [Фомичев, 1996].

на проблемы социальной экологии) представляет интерес еще и с той точки зрения, что влияние на Букчина оказал другой анархист и биогеограф (а потому, возможно, *первый экоанархист* [!]) П.А. Кропоткин, который также признается одним из предтечей современного энвайронментализма – социального экологического движения, распространившегося в XX в. в западных странах и направленного на усиление мер по защите окружающей среды (см., например, [Реймерс, 1990]).

В первом эссе "Что такое «социальная экология»? (What is Social Ecology?)", первоначально изданном в 1993 г. [Bookchin, 1993], мы находим ясное изложение взглядов Букчина на «двойственный» характер Природы: «социальная экология призывает нас видеть, что природа и общество связаны развитием в одну Природу, которая состоит из двух противоположностей: первая – биотическая природа, и вторая – человеческая натура. Человеческая натура и биотическая природа делят эволюционный потенциал для большей субъективности и гибкости» (с. 22-23). В первом же абзаце этого эссе читаем: «почти все наши современные экологические проблемы происходят из укоренившихся социальных проблем. Из этого следует, что эти экологические проблемы не могут быть поняты, уже не говоря об их решении, без осторожного понимания нашего современного общества и той нелогичности, которая доминирует над ним. Уточним данный момент: экономические, этнические, культурные и гендерные противоречия, среди прочих, лежат в центре самых серьезных экологических конфликтов, перед которыми мы оказываемся сегодня порознь, конечно, в отличие от тех, которые создаются стихийными бедствиями» (с. 22).

Действительно, отделить экологические проблемы от социальных – или даже преуменьшить или дать символическое признание тем или иным отношениям – значило бы неверно истолковать источники нарастающего экологического кризиса. Люди – социальные существа, организованные в разного рода иерархии. А поскольку основой нашего общества являются иерархические общественные отношения, вряд ли есть надежда построить равноправное *экологическое общество*, которое не будет стремиться к господству над всей Землей и все большей и большей её эксплуатации.

В первом подразделе этого эссе, озаглавленном "Природа и общество", привлекают рассуждения Букчина о нелинейности нашего мира. Математики-модельеры давно обратили внимание на эту особенность сложных социо-эколого-экономических систем. И здесь следует вспомнить образное и очень точное высказывание математика и эколога А.М. Молчанова [1975, с. 135], который писал: «те биологические системы, которые не смогли охватить громадный диапазон жизненно значимых воздействий среды, попросту вымерли, не выдержав борьбы за существование. На их могилах можно было бы написать: "Они были слишком линейны для этого мира"». Тем более интересно встретить сходные мысли у исследователя-гуманитария.

Букчин видит глубинное основание экокризиса в природе самого человека, в его стремлении доминировать как в обществе, так и над Природой (с. 42-43): «У идеи доминирования над природой – длительная история... Уже в Эпосе о Гильгамеше [Gilgamesh] из Месопотамии, возраст которого оценивается примерно в 7 тыс. лет, герой в поисках бессмертия уничтожает [кедровые] леса..., древние греки опустошили большую часть Средиземноморского бассейна... Иерархически организованное общество начало переделку и разграбление планеты задолго до появ-

ления современной науки, "линейной" рациональности и "индустриального общества"... Социальная экология отказывается игнорировать тот факт, что человеческое общество относится к "элите вреда" [harm elitist], причиняемого Природе...». Созвучные мысли находим и в современных изданиях по социальной экологии. Например, Д. Маркович [1996, с. 11] пишет: «конечно, человек создал технологию, отрицающую формы жизни в природе, использование которой ведет к энтропии, отрицанию жизни. На самом деле, конфликт между технологией и экологией имеет свой источник в самом человеке, являющемся одновременно и природным существом, и носителем технологического развития».

Интересен раздел, который называется "Растите или умрите!", – фактически, это лозунг современного капиталистического мира. «К концу XVIII – началу XIX вв. новый индустриальный капиталистический класс с его фабричной системой и обязательным безграничным ростом, начал колонизировать весь мир и, в том числе, большинство аспектов личной жизни. В отличие от феодального благородства, лелеявшего свои земли и замки, у буржуазии не было никакого «дома», но были рынки и банковские хранилища. Как класс, они превратили мир в расширяющуюся область фабрик. Предприниматели древних и средневековых миров обычно собирали свою прибыль, чтобы вложить капитал в земли; дворянство в те времена жило с предубеждением против "добытой нечестным путем" прибыли от торговли. С другой стороны, индустриальные капиталисты современного мира породили горький конкурентоспособный рынок, который поместил высокую прибыль в вершину индустриального роста и коммерческой власти...» (с. 45). Таким образом, социальная экология по Букчину видит выход в нравственном отношении к природе: «принцип "бизнес есть бизнес" свидетельствует о том, что у этических, религиозных, психологических и эмоциональных факторов нет абсолютно никаких шансов в безличном мире производства и прибыли... Социальная экология, таким образом, подчеркивает потребность в воплощении *этики взаимозависимости* (выделено нами. – Г.Р., А.Р.) в осязаемых социальных учреждениях, которые придадут большую активность в достижении целей [социальной экологии] и будут способствовать росту человеческой причастности к сознательному взаимодействию видов» (с. 47, 49).

Здесь хотелось бы заметить следующее. Современная наука «в её теперешнем виде созданная Западом с целью "покорения природы" и извлечения из неё максимума прибыли, вступает тем самым в исторический кризис» [Яновский, Шилин, 1997, с. 136]. Это заставляет по-новому обозначить приоритеты развития человечества: необходима замена *принципа прибыльной рентабельности* на *принцип экологической рентабельности*, который лежит в основе современной *концепции устойчивого развития* [Наше общее..., 1989]. Эта «задача приоритета» [Стегний, 1999, 2008; Аксенова и др., 2005] подобно той, которая решалась при обсуждении «экономической экологии» и «экологической экономики» [Г. Розенберг, 1994]. Определяя содержание «социальной экологии», «экологической [энвайронментальной] социологии» или «экологии человека [human ecology]» необходимо помнить, что «если предмет социальной экологии очерчивается социоэкологическими законами, то для экологической социологии это социальные процессы в ходе социализации природы» [Стегний, 2008, с. 56]. Сопоставление понятия «экология человека» с двумя другими – вообще выглядит не корректным, если исходить из деления собственно экологии на демэкологию (популяционную экологию; тогда экология че-

ловека – наука, направленная на изучение внутренних процессов, происходящих в организме под воздействием внешней среды [Хунагов, 1997]) и синэкологию (экологию сообществ; более того, в рамках, например, социальной экологии можно рассматривать в качестве «социальной экосистемы» целую страну [Яницкий, 2005]).

Второе эссе "Радикальная политика в эпоху развитого капитализма" ("Radical Politics in an Era of Advanced Capitalism") было опубликовано в 1989 г. В контексте нашей рецензии в нем представляет интерес раздел о «зеленом движении». Осуждая капитализм за то, что он создает предпосылки для экологического кризиса, Букчин обосновывает перенос «центра тяжести» радикального движения: «если *местоположением* пролетарского радикализма была фабрика (далее Букчин называет это «внешней ареной». – Г.Р., А.Р.), то *местоположением* экологического движения должно стать [человеческое] сообщество (по Букчину – «внутренняя арена». – Г.Р., А.Р.): ближайшие окрестности [проживания], город и район (выделено автором. – Г.Р., А.Р.)» (с. 56). Практические действия «зеленого движения» должны «способствовать радикальным тенденциям, усиливать их теоретически и ясно сформулировать последовательную радикальную перспективу экологии – именно в этом состоит главная ответственность подлинных радикалов» (с. 57).

Далее Букчин весьма пространно пересказывает интеллектуальную историю развития социально-экологической мысли, уделяя много внимания «чувствительности (материи)» Д. Дидро, «феноменологии духа» Г. Гегеля, и значительно меньше – «этическому натурализму» П.А. Кропоткина, «биорегионализму» Э. Реклю и «экологическому утопизму» Ш. Фурье, хотя последние (и это хорошо знал Букчин [Purchase, 1997]) высказывали важные идеи и взгляды, которые в значительной степени способствовали развитию его собственного социально-экологического мышления. Это предоставляет нам повод напомнить, что П.А. Кропоткин развил представления о «законе взаимной помощи», противопоставив его дарвиновскому закону всемирной борьбы (конкуренции): «...помимо закона **Всемирной борьбы**, в природе существует еще закон "**Взаимной помощи**" (выделено автором. – Г.Р., А.Р.)... Взаимная помощь – такой же естественный закон, как и взаимная борьба, но для прогрессивного развития вида первая несравненно важнее, чем вторая... Борьба в природе большей частью ограничена борьбой между различными видами; но что внутри каждого вида, а очень часто внутри групп, составленных из различных видов, живущих сообща, взаимная помощь есть общее правило... Можно считать вполне доказанным, что тогда как борьба за существование одинаково ведет к развитию как прогрессивному, так и регрессивному... практика взаимопомощи представляет силу, всегда ведущую к прогрессивному развитию... Это предположение, которое, в действительности, явилось лишь дальнейшим развитием идей, высказанных самим Дарвином в его "Происхождении Человека", казалось мне настолько правильным и имеющим такое громадное значение, что с тех пор, как я познакомился с ним (в 1883 году), я начал собирать материалы для дальнейшего развития этой идеи...» [Кропоткин, 1907, с. 4, 7, 8]. Представляется, что в этом можно легко увидеть основу философских построений Букчина о «коммунном (коммуналистическом)» (фактически, взаимоподдерживающем) характере «экологического общества»: «проигнорировать коммунальное основание этого движения (*сопротивление репрессивности государства*. – Г.Р., А.Р.) было бы столь же близоруким, как и проигнорировать скрытую неустойчивость любого этнического государства»

(с. 52). Об этом более подробно говорится в последнем разделе рецензируемой книги.

Следующая работа "Роль социальной экологии в эпоху протеста" ("The Role of Social Ecology in a Period of Reaction") первоначально была опубликована в 1995 г. с несколько иным названием [Bookchin, 1995]; её перевод см. [А. Розенберг, 2012] и здесь мы её не обсуждаем. Приведем лишь одну (правда, обширную) цитату.

«Тем не менее, социальная экология не претендует на возникновение *ab novo*. В прошлом и в настоящем она глубоко укоренилась в идеалах Эпохи Просвещения и революционной традиции прошлых двух столетий. Её цели и область исследований неразрывно связаны с очевидно менее развитыми теоретическими исследованиями Карла Маркса (Karl Marx [1818-1883]) и классических анархистов (особенно, Петра [Алексеевича] Кропоткина [1842-1921]) или с крупными революционными движениями, вылившимися в Испанскую социальную революцию 1936-1937 гг. Она избегает любых попыток опорочить исторические традиции *левых* в пользу неолиберальной смеси идей или тошнотворного политического центризма, маршрутирующего в качестве "постмодернизма" и "постиндустриализма", не говоря уже о "постматериалистическом" спиритуализме, созданном экофеминистками, извечными анархистами, глубинными экологами и, так называемыми, "социальными суперэкологами" или "суперсоциальными экологами"» (см. [А. Розенберг, 2012]).

Последнее (и самое большое) эссе – "Коммуналистическая программа" ("The Communalist Project") – было опубликовано уже в XXI в. [Bookchin, 2002]. «Будет ли двадцать первое столетие самым радикальным, или самым реакционным, или просто канет в серую эру мрачной посредственности, – все это будет зависеть всецело от вида социального движения и программы, которую социальные радикалы создадут из теоретического, организационного и политического богатства, накопленного в течение прошлых двух столетий революционной борьбы» (с. 79), – так начинает Букчин свою работу.

Интересны рассуждения Букчина об изменении роли пролетариата, как основной движущей силы всякого рода революционных изменений. «Современная культура, социальные отношения, городские ландшафты, способы производства, сельского хозяйства и транспорта переделали традиционный пролетариат, на котором синдикалисты и марксисты были всецело (действительно, почти мистически) сосредоточены, в формацию в значительной степени мелкой буржуазии, менталитет которой отмечен собственным буржуазным утопизмом "потребления ради потребления". Наступит время, когда пролетарий, безотносительно цвета его воротничка или размещения на сборочной линии, будет полностью заменен автоматизированными и даже миниатюризированными средствами производства, которыми управляют несколько покрытых белым машин-манипуляторов и компьютеров. К тому же, жизненный уровень традиционного пролетариата и его материальные ожидания (совсем не малый фактор в формировании социального сознания!) изменились чрезвычайно, в пределах только одного или двух поколений они взлетели от бедности до сравнительно высокой степени материального богатства» (с. 84-85). Иными словами, по мнению Букчина, пролетариат из «человека, держащего в мускулистой руке всесокрушающий молот» превратился в «благовоспитанный средний рабочий класс». И это делает в историческом контексте бессмысленным классический призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Но здесь же, Букчин предлагает выход и новую форму социального сознания вкладывает в понятие

гражданина (франц. *citoyen*) – «понятие, столь важное для Большой Французской Революции 1789 г. и вызывавшее широко гуманистического чувства в обществе в такой степени, что оно стало формой обращения среди более поздних революционеров, вызванных к баррикадам геральдическим криком (by the heraldic crowing) красного французского петуха» (с. 86; *красиво сказано!* – Г.Р., А.Р.). И именно для *гражданина* меняется цель борьбы, она становится все более и более экологизированной: «В настоящее время самая многообещающая борьба на Западе, где зародился социализм, кажется, ведется меньше вокруг доходов и условий труда, чем вокруг ядерной энергетики, загрязнения, вырубки лесов, болезней города, образования, здравоохранения, жизни сообщества и притеснения людей в слаборазвитых странах (как свидетельство [хотя и спорадическое] повышения антиглобализации), в которой синий- и беловоротничковый "рабочий" идут вместе в разряде среднего класса гуманистов, мотивированных общими социальными проблемами» (с. 87-88).

В этой работе Букчин выступает с аргументированной критикой и анархизма (с которым он официально и публично порвал в 1999 г.), и марксизма. В частности, он пишет, что на протяжении XX в. «марксизм застаивался теоретически. Его теории часто озадачены событиями, которые проходили мимо них; так в 60-ых, они механически повесили на защитников окружающей среды и феминистских идей ярлыки, шаблонно сосредоточив свои интересы на собственно рабочих, узко понимаемых интересах (франц. *ouvrierist*)» (с. 91). Альтернативу (не только анархизму, марксизму и другим идеологиям) Букчин видит в *коммунализме (теории государства на общинной основе)*. Правда, несколько необычным выглядит разъяснение целей этой теории – Букчин рекомендует искать их в... словаре (с. 100). И сам же находит его в "The American Heritage Dictionary of the English Language" – коммунализм является «теорией или системой правления, в которой фактически автономные местные сообщества свободно связаны в федерации» (с. 101). Выбор² самого термина «коммунализм» восходит к Парижской Коммуне 1871 г., когда люди взялись за оружие и вышли на баррикады не только для того, чтобы защитить муниципалитет Парижа и его административные основы, но и создать общенациональную конфедерацию городов, чтобы заменить республиканское этническое государство. Таким образом, коммунализм «стремится возратить и продвинуть развитие города (или *коммуны*) в форме, которая согласуется с её самыми большими потенциальными возможностями и историческими традициями» (с. 102). При этом, «муниципальная жизнь должна стать школой для формирования граждан» (с. 106).

Наконец, в этом эссе Букчин утверждает, что, «прежде всего, Теория государства на общинной основе (Communalism) занята проблемой власти» (с. 109). Что под этим подразумевается? Прежде всего, это желание избирательно участвовать в потенциально важном центре власти – муниципальном совете – и попытаться заставить его в законодательном порядке вести социально направленную политику. Объединение таких демократизированных муниципалитетов позволит объединяться им в «муниципальные лиги (*municipal leagues*)», бросить вызов этническому го-

² Букчин приводит и такую аргументацию в пользу своего нового термина: «фактически, в слове "политика" содержится греческое слово "город" или "polis", и его использование в Древних Афинах вместе с "демократией" означало *прямое* управление города его гражданами» (с. 96). Заметим, что только меньшинство свободных граждан мужского пола обладало «правом голоса» в Афинах (в их число не входили рабы, женщины, иностранцы и пр.) – это несколько снижает пафос данного примера.

сударству и попытаться приобрести контроль над экономической и политической жизнью территории.

Таким образом, в первом ("What is Social Ecology?") и последнем очерках ("The Communalist Project") можно видеть целую социальную программу Букчина – это и философское основание³ (социальное выражение творческого, эволюционирующего потенциала человечества, примат Природы в этих взаимодействиях и этика взаимозависимости Природы и Человека), и политическая практика (не лишенный радикализма призыв переноса «центра тяжести» власти с государства в «коммуны» и необходимость начать этот процесс как можно скорее). Однако не стоит забывать, что и города не являются абсолютно «гомогенными» в своей социальной структуре. Об этом, кстати, очень хорошо писал еще в 20-30-х годах прошлого века основатель «экологии человека» Р. Парк [1999, с. 391]: «Но принцип господства действует в человеческих сообществах так же, как и в сообществах растений и животных. Так называемые естественные или функциональные области городского сообщества – например, трущоба, район доходных домов, центральные торговые ряды и центральный район банков – каждый из этих районов обязан своим существованием непосредственно фактору господства, и опосредованно – конкуренции. Борьба производственных и коммерческих институтов за стратегическое местоположение определяет в перспективе и основные очертания городского сообщества. Распределение населения, равно как и местоположение и границы занимаемых им областей расселения, определяются другой, схожей, но подчиненной системой силой».

А завершить эти критические заметки хочется еще одной цитатой Мюррея Букчина [1990]: «Экологическое общество предусматривает фундаментальный поворот всего развития, пройденного историей современной технологии и общества: специализации машин и труда, концентрации людей и ресурсов в гигантских индустриальных предприятиях и городах, однообразности жизни и бюрократического контроля за гражданами, разделения города и деревни и овеществления природы и людей. Если я говорю о радикальном повороте, то я имею в виду, что мы должны начать децентрализовывать наши города и создавать совершенно новые эко-общины, которые искусно приведены в соответствие структурам окружающей экосистемы. Я хочу здесь подчеркнуть, что децентрализация – не то же самое, что намеренный раздел ландшафта между изолированными крестьянскими дворами или коммунами контркультуры, какими бы незаменимыми они ни были. Мы должны скорее вновь воспринять городскую традицию в эллинском смысле этого слова – городов, которые обозримы для своих обитателей и не требуют сложного управления. Новый полис, который, если угодно, скроен по человеческой мерке и – по знаменитому выражению Аристотеля – каждым может быть охвачен одним взглядом». Чем не идиллия в духе «устойчивого развития»?..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенова О.В., Зубков В.И., Ермаков Д.С. и др. Социально-экологические проблемы: научно-теоретический поиск и направления исследований (заочный "круглый стол") // Социологические исследования. 2005. № 3. С. 88-95.

³ Заметим, что философии социальной экологии посвящена специальная книга М. Букчина [Bookchin, 1990].

Букчин М. Экотопия (пер. В. Дамье) // Газета саратовских анархистов. 1990. № 5, сентябрь.

Кропоткин П.А. Взаимная помощь, как фактор эволюции / Пер. с англ. В.П. Батуринского под ред. автора. СПб.: Изд. товарищества "Знание", 1907. 352 с.

Маркович Д.М. Социальная экология. М.: Восточ. ун-т – Союз, 1996. 440 с. – **Молчанов А.М.** Математические модели в экологии. Роль критических режимов // Математические моделирование в биологии. М.: Наука, 1975. С. 133-141.

Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Ред. С.А. Евтеев, Р.А. Перелет. М.: Прогресс, 1989. 376 с.

Парк Р. Экология человека // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 1999. С. 384-400.

Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с. – **Розенберг А.Г.** Августовские тезисы о социальной и глубинной экологии // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии: Бюл. 2012. Т. 21, № 2. С. 4-25. – **Розенберг Г.С.** Экологическая экономика и экономическая экология: состояние и перспективы (с примерами по экологии Волжского бассейна) // Экология. 1994. № 5. С. 3-13.

Стегний А.Г. Терминология экологической проблематики. Критический анализ // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 128-134. – **Стегний А.Г.** Предметное поле социологии окружающей среды // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 3. С. 55-72.

Фомичев С. Экоанархизм Мюррея Букчина // Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему. Нижний Новгород: Третий Путь, 1996. 190 с.

Хунагов Р.Д. Социальная экология (К вопросу о понятии и содержании) // Регион. науч.-практ. конф. "Биосфера и человек", Майкоп, [1997]: Материалы. Майкоп: Адыгея, 1997. С. 147-152.

Яницкий О.Н. Россия как экосистема // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 84-93. – **Яновский Р.Г., Шилин К.И.** Социальная экология как отрасль социологии // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 134-140.

Bookchin M. (ps: **Lewis Herber**). Our Synthetic Environment. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1962. 286 p. – **Bookchin M.** The Philosophy of Social Ecology: Essays on Dialectical Naturalism. Montreal: Black Rose Books Ltd., 1990. 198 p. – **Bookchin M.** What is social ecology? // Environmental Philosophy: From Animal Rights to Radical Ecology / Ed. by M.E. Zimmerman et al. Englewood Cliffs (New Jersey): Prentice-Hall, Inc., 1993. P. 354-373. – **Bookchin M.** Theses on social ecology in a period of reaction // Green Perspectives. 1995. № 33 (October). – **Bookchin M.** The Communalist Project // Communalism: Internat. J. Rational Society. 2002. № 2. (www.communalism.net).

Carson R. Silent Spring. Boston (MA): Houghton Mifflin Co., 1962. 368 p.

Defending The Earth: A dialogue between Murray Bookchin and Dave Foreman / Ed. by St. Chase. Boston: South End Press, 1991. 120 p. [В защиту Земли. Диалог между М. Букчиным и Д. Форменном / Сокращ. перевод. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2003. <http://www.ecoethics.ru/old/b49/>].